

На следующий день...

Рано утром я посетил холм на юго-западе от Мидхейза и вонзил Громовой меч в место, с которого открывался наилучший вид с холма. Сейчас владельцем меча являюсь я и кроме Сина с Рэем, едва ли кто-то сможет его вытащить.

- Грэм непрерывно подвергается разрушению. - сказал я, оставленному после смерти моим отцом, Громовому мечу. - В глубинах моей основы он будет вкушать бесконечное разрушение до тех пор, пока даже его небытие не исчезнет и обратится в истинное ничто.

Даже сейчас его небытие находится и постоянно уничтожается целиком и полностью в глубинах моей основы.

- Я не выпущу его небытие даже если однажды сгину. Отец, я запроу этого глупца в бездне ада - в унаследованной от тебя основе Волдигодов, чтобы произвести на свет которую, моя мать отдала свою жизнь.

Вечности не существует. Однажды сгинет даже само небытие. Но даже если я ошибаюсь, и он будет жить вечно, будучи ничем, тогда и моё разрушение тоже будет вечным. И в конечном счёте, его, погружённое в бездну моей основы, небытие будет вечно подвергаться разрушению.

- Мы нашли императора Шапса в подземной тюрьме Этильтхэве. - продолжал говорить я, стоя лицом к лицу со своим покойным отцом. - Похоже, что Бомирас решил, что от императора ещё будет какой-то прок, поэтому он оставил его в живых. Хоть окончательно решение по этому поводу ещё и не принято, но ожидается что империя Инзуэл тоже примкнёт к героическому парламенту. Благодаря усилиям желающих гармонии, Азесион полным ходом движется к лучшему будущему.

Мир ещё на шаг приблизился к воцарению в нём гармонии.

- В Мидхейзе сейчас спокойно. - с вонзённого в холм указателя могилы - Громового меча, весь город был как на ладони. - Этот город кардинально переменился со времён двухтысячелетнего прошлого. Теперь он полон улыбок.

В кой-то веки наступили времена, когда нам больше не нужно бояться войн. Нескончаемые разрушения, которые нёс мой отец, битвы, в которых он страдал от сомнений, привели к тому, что теперь у всех на лицах сияют улыбки.

- Опирающиеся на фундамент из бесчисленных трупов.

Думаю, живущие в этой в эпохе даже и вообразить себе этого не могут. Но пусть так оно и будет.

- Я больше никогда не забуду. - я вспомнил события прошлого, которые увидел в звёздах творения Эриал. - мужественные фигуры великодушных рыцарей, сражавшихся во имя будущего, не оставляя в истории о себе ни следа и их благородные, не прогибающиеся не перед чем, несмотря на неприязнь со стороны тех, кто был игрушкой в руках пожара войны и кого они должны были защищать, спины.

Возможно именно в погоне за ними я и зашёл так далеко.

- Я унаследую вашу волю; желание покончить с конфликтами. - чтобы не допустить повторения той трагедии. - Призраки уничтожены.

Во время семнадцатого визита отца ко мне, я сказал ему что уничтожу призраков и изменю этот жестокий мир.

Другими словами, создам эпоху, в которой призрачные рыцари станут не нужны. Должно быть я смутно догадывался кто он и хотел увидеть подлинное лицо своего, играющего роль призрака, отца. Верил, что у меня получится осуществить всё что угодно, но в итоге мои слова привели к тому что отец укрепился в своём последнем решении.

- ...Ты ведь тогда пришёл попросить помочь тебе победить Грэма, так?

В таком случае, если бы я сказал ему что-то другое, то могло настать будущее, в котором мы оба бы взирали на город отсюда. Но думать об этом бессмысленно. Может так и было бы, а может быть и нет.

В любом случае всё это закончилось ещё две тысячи лет назад. Сомнения мне ни к чему. Если я не буду смотреть строго вперёд, отец не сможет упокоиться с миром.

- Я от всего сердца благодарен тебе, мой великий отец.

Я молча взмолился, закрыв глаза. Слова: «покойся с миром», встали у меня комом в горле. Возможно я хотел, чтобы этот миг длился как можно дольше. Раннее утро, тёплый ветерок нежно обдувающий щёки и абсолютная тишина, посреди которой я безостановочно возносил благодарности своему отцу.

Вдруг мне вспомнились слова Миши. Мне некуда спешить и сейчас я вполне могу немного предаться сентиментальности. Это больше подходит мирной эпохе, да и отцу моему так наверняка будет спокойнее.

Прислушиваясь к едва слышимым звукам ветра, я гнался за теми немногими воспоминаниями об отце, что мне показали звёзды творения. Ветер доносил до меня самые разнообразные звуки, присущие мирной эпохе: тихое и облегчённое сонное дыхание, оживлённые шаги и раздающийся повсюду смех - всё то, к чему стремились безымянные рыцари.

И тут вдруг...

- Хым-м! – раздался нарочитый и грубый голос. – Хья-я-я! – резво опущенный вниз меч рассёк воздух. – Кья-а-а-а-а!!

Я не мог продолжать молиться про себя и посмотрел в сторону настоящего до надоедливости голоса.

Мой отец украдкой наблюдал за мной, размахивая мечом.

- ...Чем ты занимаешься с утра пораньше?

- О, и ты здесь, Анос. – отец вонзил меч и встал в напыщенную позу. – Вот так встреча!

Очевидно ведь, что ты знал, что я здесь.

- Знаешь, на самом деле я каждый день здесь мечом машу с раннего утра, чтобы закалять души выкованных мною мечей.

Отец снова вытащил меч и махнул им сверху вниз.

- Впервые об этом слышу. С каких пор ты занимаешься этим каждый день?

- Разумеется... – клинок со свистом рассёк воздух. – с сегодняшнего дня!

Тогда зачем ты говоришь, что занимаешься этим каждый день?

- Ну что, займёмся тем же что и всегда, м-м?

- Тем же чем и всегда?

Я пошёл к отцу.

- Закалим души мечей вместе!

Хм, то есть поиграем под синдромом восьмиклассника? Да и говоря о «всегда», я всего один раз недавно ему подыграл.

- Ну же!

Отец насильно всунул мне меч в руку, а затем непринуждённой походкой пошёл к лежащей на холме корзине.

– О-о-о, хм-м, о-о-о... мда. – казалось будто он хотел мне что-то сказать. – К-кстати, Анос, ты с тех пор как вернулся, того. – сказал отец, выискивая меч в корзине.

– Чего «того»?

– Ну, как бы сказать, в общем, выглядишь подавлено.

Я осознал, что моё лицо само по себе приняло серьёзный вид.

– Я действительно так выгляжу?

– Не, ну если мне только померещилось, то ладно! Но даже если и не померещилось, но ты говоришь, что всё в порядке, то тоже ладно! Я отлично знаю, что у каждого мужчины есть пара тройка стен, которые он должен преодолеть! – выбрав меч, отец повернулся ко мне. – Хвастать тут особо нечем, но у меня столько стен было что я, считай, замурован в них был.

Я вообразил обездвиженного отца внутри стен. Гордиться тут, действительно, особо нечем.

– Ну и что с ними стало?

Отец холодно улыбнулся.

– Я всё ещё в них замурован.

Значит он даже близко их не преодолел.

– Ну, такова жизнь, чего уж тут поделать. Но ты в отличии от меня не пальцем деланный и даже если окажешься в них замурован, наверняка просто проломишь их.

– Есть такое.

Услышав мои слова, отец улыбнулся.

– Папа, ты встал в такую рань ради того, чтобы сказать это?

– Мы просто случайно встретились, говорю же.

Эх, хоть его наиграно-крутое поведение и обременяет, но... мне, что удивительно, действительно полегчало.

- Спасибо.

- ...Ч-чего это ты вдруг? Я-я же просто сказал очевидное, не стоит меня за это благодарить.

Но не смотря на эти слова, отец очень засмутился.

- Итак.

- Ага.

Только я хотел было предложить пойти домой, как он сказал:

- Давай сделаем это!

- ...Это?

- Ага, погнали!

Взгляд у отца был более чем серьёзный. Хм, ну ладно. Подыгрывать, пришедшему ко мне из беспокойства, отцу занятно.

- Сразимся в полную силу!

Всерьёз я, разумеется, биться не собираюсь.

- Как хочешь.

Отец многозначительно ухмыльнулся. Мы отошли друг от друга и взяли мечи на изготовку.

- Я не держу на тебя зла, но ради наступления мира ты должен умереть! - держа свой меч в правой руке, левой он схватил вонзённый в холм Громовой меч. - У меня далеко не один меч!

Он напрягся, однако меч, естественно, даже на миллиметр не сдвинулся. Он остался цел, потому что владельцем меча являюсь я, в противном же случае его бы поразило и обратило в прах пурпурной молнией.

- ...Нгх... О-о-о-о-о-о!!... – он выбросил свой меч и стал пытаться вытащить Громовой меч обоими руками. – ...Н-не поддаётся...

Вполне закономерный результат.

- ...а ты и поверил! На самом деле это просто у меня стойка такая!

Держа руки на вонзённом в холм Громовом мече, отец прикинулся словно специально стоит в данной стойке.

- Хочешь знать кто я? Моё, царя с уничтожающим мечом, имя?! – всё также насильно продолжал мой отец.

И как всегда он яро настаивает на том, чтобы я спросил его имя. Эх, ну что ж ты с ним будешь делать.

- Кто ты такой?

С этими словами, я не спеша пошёл к отцу.

- Хе.

Он триумфально улыбнулся. Вероятно, сейчас скажет, что так просто я его назвать имя не заставлю.

Хотя, судя по лицу... на нём словно было написано, что он собирается меня перехитрить.

Другой шаблон? Думаю, он использовал до середины те же самые слова, а затем резко изменит их, чтобы не дать мне предсказать его слова и действия. Но я уже привык к его синдрому восьмиклассника. Какие бы словесные шаблоны он не использовал и насколько бы странные вещи он не решил сказать, ему не удастся заставить меня врасплох.

- Призракам имена ни к чему!

Вдруг, я услышал те же самые слова что и говорил мой отец две тысячи лет назад. Это была совершенно заурядная фраза. Должно быть просто совпадение. Я сделал ещё один шаг, думая о том насколько же обременителен синдром восьмиклассника моего отца.

- Запомни же моё, идущий навстречу к собственной гибели.

Мне казалось будто время чудовищно замедлилось.

- Я - Исис ордена призрачных рыцарей...

Как это... Я внимательно прислушался к словам своего отца. Если подумать, то я ведь так и не услышал окончание этой фразы в прошлом звёзд творения.

- ...Царь Меча Уничтожения Гарделахипт!!

С этими словами, Громовой меч резво вышел из земли. Словно возвращаясь в руку своего исконного владельца.

- Кья-а-а-а-а-а-а!!

Он изо всех сил махнул мечом вниз ещё до того, как я вошёл в радиус его поражения, однако я всё равно пошёл дальше и Громовой меч с характерным звуком ударил меня прямо по голове.

- У-а-а-а-а-а-а!!.. А-ано-о-ос?!.. - сильно паникуя, крикнул мой отец. - П-прости меня! Я не рассчитал и... Ты в порядке...?! Хотя, у тебя даже кровь не пошла... А ты, однако, крепкий орешек...

Грэм сказал он вымер. Что мой отец - Селис Волдигод вымер.

Лишённых голов Зейлонами не настигает гибель, они умирают. Когда их силу отнимают и они не могут применить «Ингал» или «Силику», оставшаяся в голове часть основы высвобождается. Она вновь воссоединяется с отголоском сознания; крошечной частью основы что остаётся в обезглавленном теле и затем исчезает, возносясь в небеса. А если возможности возродиться или переродиться нет, то смерть равносильна гибели. Это и значит вымереть.

И тем не менее ранее Аркана говорила что основы перерождаются, проходя через круговорот жизни, только при этом у её владельца меняется форма, сила, а воспоминания утрачиваются. И всё же мой отец был здесь. Всё это время он был рядом со мной.

- ...Анос, т-ты цел? Н-ничего не болит?

По моей щеке пробежала слезинка.

- Я вспомнил своего отца.

Его лицо тут же приняло серьёзный вид и он стал внимательно меня слушать.

- Очень строгого, но в тайне сильно любящего, отца - Селиса Волдигода, что жил две тысячи лет назад. Он продолжал яростно сражаться во имя наступления мира и моего будущего и в

последние мгновения жизни горько сожалел о том, как её прожил. – внезапно заговорил я.

А отец, кивая, смотрел на меня с добротой во взгляде.

– Я не должен был позволять ему говорить про себя что он был лишь суровым, нелюбящим и глупым отцом.

До чего же ему, наверное, было досадно.

– Его спина говорила со мной красноречивее любых слов.

Мой голос дрожал.

– Я гордился им.

Я сжал кулак.

– И мне было очень жаль что он умер, сожалея о том что в мире так и не воцарилась гармония.

После эти слов отец положил мне руку на голову, а потом крепко обнял за плечи.

– Выдающийся же у тебя был батюшка, Анос. – сказал он с куда более похожим на взрослого, чем у него было обычно, выражением лица. – Знаешь Анос, мне кажется твой батюшка не сожалел о том, как прожил жизнь в свои последние мгновения. – я вопросительно взглянул на него, и он ответил: – Судя по тому, что ты сейчас здесь, я смутно подозреваю что вовсе не о себе то он, умирая, думал.

– ...Тогда о чём?

– О тебе, разумеется. Думаю, он сожалел о том, что ты больше никогда не познаешь отцовской любви и не сможешь жить в следующей, мирной эпохе.

Слова отца запали мне в душу.

– ...Думаешь?

– Ну, наверное... – сказав это, отец тут же впопыхах исправился: – Нет, я абсолютно в этом уверен! Так что всё зависит от тебя. – непривычно серьёзным тоном сказал он.

– Значит я должен жить так, чтобы не заставлять его горевать.

- Правильно. Ну и это, короче, я сделаю для тебя всё то, о чём горевал, что не сможет сделать для тебя, твой батюшка. Будем с тобой болтать о всякой ерунде, жизни и играть под синдромом восьмиклассника! – как всегда немного дурачился, чтобы подбодрить меня, мой отец. – И тогда ему там, на небесах, тоже будет чуточку спокойнее.

- Хе... – невольно издал я лёгкий смешок. – Хе-ха-ха.

- Д-думаешь это смешно? Будешь так сильно смеяться, я опять окажусь замурованным в стены жизни.

- Говорить о ерунде нужно в меру, пап. Думаешь мой отец, который жил как суровый воин, хотел бы делать что-то вроде того чем занимаешься ты, вечно замурованный в стены?

Услышав это, отец шепча сказал мне:

- Я всё понимаю. Уверен, что твой батюшка тоже должно быть был замурован в стенах жизни в облике сурового воина.

- Хе-ха-ха-ха.

Это просто абсурд. Нет правда, самый настоящий абсурд. Что может быть смешнее и умиротворённое, если мой самый суровый отец на свете действительно хотел стать таким?

- Кажется, мама уже скоро закончит готовить завтрак.

- О, точно! Держу пари грибную запеканку приготовит.

- Почему?

- Потому что ты чувствовал себя не важно.

Значит и она это заметила? Мне с ней не тягаться.

- Ладно, ай да домой!

Отец пошёл по холму, продолжая обнимать меня за плечи.

- Прямо так?

- Иногда можно. Знаешь, я всегда хотел вот так пройтись с сыном, обнимая его за плечи как

мужчина с мужчиной.

Эх, ну что ж за безнадёжный у меня папаша.

- Если иногда, то ладно.

Отец улыбнулся.

- Ах да, кстати, а с мечом-то этим что делать? Мне, наверное, не стоит уносить его с собой.

Он взглянул на Громовой меч в своей руке.

- Это память о моём отце. Можешь оставить его себе.

- Уверен? Это ж безмерно важная для тебя вещь.

- Мой отец тоже этого хочет.

- Вот как? Ясненько-о-о! – радостно сказал отец. – Ну тогда буду хранить его у себя.

Отец провёл рукой по моей голове, лежащей на плече рукой. Сделал он это несколько грубовато, но я чувствовал заключённую в этом жесте необыкновенную доброту.

- Ты так вырос, Анос. – сказал он, словно мой отец из двухтысячелетнего прошлого.

Уверен ему просто хотелось это сказать.

- До тебя мне ещё расти расти.

- Ха-ха, а как же!

Мой отец от всей души радостно рассмеялся. Вот так, с его рукой на моём плече, мы и продолжили, не спеша спускаться с холма, не используя никакой магии, будучи убеждёнными в том, что это спокойное, нелепое и чудесное время отныне будет длиться бесконечно.

Посреди звенящего смеха я, вдруг, вспомнил как маленькая богиня созидания говорила мне о том, что мир не добрый. При следующей встрече, надо будет обязательно сказать ей:

«Вот насколько много, в созданном тобою мире, доброты».

Конец.

<http://tl.rulate.ru/book/19453/2730406>